

Мы не имеем подробных отзывов Толстого о «Семейной хронике», кроме упоминания о ней при сравнении с «Детскими годами Багрова-внука» и сообщения В. С. Аксаковой. Но можно с достаточным основанием предполагать, что внимание Толстого было привлечено к той стороне «Семейной хроники», на которую обратил внимание и Герцен: к мирному заселению и освоению русским народом новых земель. Герцен развил эту мысль в двух письмах к Дж. Мадзини и к И. С. Тургеневу, относящихся к 1857 г. Признавая будущее за двумя странами — Соединенными Штатами Америки и Россией — и сравнивая способ, которым оба государства растут вширь, Герцен отдает безусловно предпочтение способу, которым растет Россия: «Соединенные Штаты, как лавина, все катятся вперед; каждая пядь земли, которую они приобретают, пропадает для туземцев. Россия разливается, опоясывает, словно вода, присоединенные области»³². Несомненно, что «Семейная хроника», наряду с другими своими особенностями, привлекла внимание Толстого изображением «овладевающей» способности русского народа, с которой Толстой во многом связывал его будущее.

В яснополянской библиотеке сохранился экземпляр первого издания «Семейной хроники», на обороте обложки которого автограф С. Т. Аксакова: «Графу Льву Николаевичу Толстому в знак искреннего уважения к его прекрасному таланту от сочинителя». В 1891 г. в Ясной Поляне Толстой «по вечерам» перечитывает «Семейную хронику», а за три года до смерти, по свидетельству Д. П. Маковицкого, отзывался об этом произведении с «большой похвалой».

Высокая оценка Толстым «Детских годов Багрова-внука», данная им в дневнике и письме к Боткину, особенно важна потому, что в это время сам Толстой был уже автором классических книг о детстве — «Детства» и «Отрочества». Мы знаем, что в старости Толстой поставил сам себе в упрек некоторый отход от абсолютной правды в этих произведениях, наличие в них элементов вымысла. Первая попытка Толстого описать свою жизнь относится к 1878 г., но она не была завершена, и лишь в старости, во второй половине января 1903 г., Толстой начал писать «Воспоминания», в которых, как нам кажется, учел аксаковский прием изображения детских переживаний, начиная с самых ранних, едва осознанных ощущений. По воспоминаниям С. Л. Толстого, «отец ценил книги Аксакова «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука». В нашем детстве, по совету отца, мы, старшие его дети, читали их вслух, а затем рассказывали прочитанное. Помню, еще когда я был мальчиком, то читал отдельные главы из «Детских годов Багрова-внука» яснополянским крестьянским детям, которые приходили в наш дом учиться грамоте»³³.

За год до смерти Толстой говорил: «Детские годы Багрова-внука» потому интересны, что он сам описывает свои впечатления. Нехорошо в беллетристике описание от лица автора. Нужно описывать, как отражается то или другое на действующих лицах»³⁴.

О высокой оценке, данной Толстым произведениям С. Т. Аксакова, свидетельствует и запись на полях рукописи «Войны и мира». Говоря в предисловии к «Войне и миру» о том, что русская литература не укладывается в рамки, созданные канонами западноевропейских литератур, и ищет для себя новых форм, Толстой в доказательство своей мысли пишет: «Вспомнить Тургенева, Гоголя, Аксакова»³⁵.

³² А. И. Герцен, Полное собр. соч., т. VIII, №6., 1919, стр. 410.

³³ Из разговоров с С. Л. Толстым, записи Н. П. Пузина (архив автора, лист IV).

³⁴ «Литературное наследство», т. II, 37—38, М., 1939, стр. 533.

³⁵ Л. Н. Толстой, Соч., т. 13, стр. 55.